

ПРЕНИЕ СОЛОМОНА И МАРКОЛЬФА КАК ДИАЛОГ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА*

В статье рассматриваются языковые средства семантической и синтаксической связности в средневековом диалоге особого типа. Спор главных персонажей латинского прозаического текста XII–XIII вв. “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*” и его первого переложения на средневерхненемецкий язык (“*Salomon und Markolf*”, последняя четверть XIV в.) выглядит как столкновение дидактических сентенций библейского царя Соломона и грубых пословиц простонародного шута Маркольфа. Особенности речевого взаимодействия персонажей анализируются как разновидность языковой игры.

Ключевые слова: диалог, народная культура, диспут, паремии, средневерхненемецкий язык, среднелатинский язык, шутовство, средневековая Германия, языковая игра.

N. A. Bondarko
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb., Russia.
n-bond@yandex.ru

The verbal contest between Solomon and Marcolf as dialogue and language game

The article deals with semantic and syntactic coherence in a medieval dialogue of a special type. The dispute of the main persons of the Latin prose text of the XII–XIII centuries *Dialogus Salomonis et Marcolfi* and its first Middle High German adaptation (*Salomon und Markolf*, last quarter of the 14th century) looks like a clash between the didactic maxims of the biblical King Solomon and the rude proverbs of the rough peasant (but also a jester and trickster) Markolf. The characters’ speech interaction is analyzed as a kind of language game.

Keywords: dialogue, folk culture, dispute, proverbs, Middle High German, medieval Latin, buffoonery, medieval Germany, language game.

В начале книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин обратил

---

* Выражаю благодарность М. Ю. Реутину за привлечение моего внимания к исследуемому материалу, ценные советы и предоставление некоторых малоизвестных в настоящее время библиографических источников.

внимание на один важный для понимания смеховой культуры западного Средневековья расхожий текст — шутейное прение царя Соломона с мужиком Маркольфом:

«В очень популярных в средние века смеховых диалогах Соломона с Маркольфом высоким и серьезным (по тону) сентенциям Соломона противопоставлены веселые и снижающие изречения шута Маркольфа, переносящие обсуждаемый вопрос в подчеркнуто грубую материально-телесную сферу (еды, питья, пищеварения, половой жизни). Нужно сказать, что одним из ведущих моментов в комике средневекового шута был именно перевод всякого высокого церемониала и обряда в материально-телесный план; таково было поведение шутов на турнирах, на церемониях посвящения в рыцари и других. Именно в этих традициях гротескного реализма лежат, в частности, и многие снижения и приземления рыцарской идеологии и церемониала в «Дон-Кихоте»» (Bakhtin 1990 (1965): 26–27)¹.

Речь идет о версиях сказания о Соломоне и Маркольфе (в другом варианте имени — Морольфе), получивших распространение в странах Западной Европы еще в раннем Средневековье и — также, как и восточноевропейские версии — восходящих, по-видимому, к талмудической традиции, как предпо-

---

¹ Ср. взгляд современного исследователя на казус Маркольфа применительно к «карнавальной» теории М. М. Бахтина: «Новичков в этой работе часто поражает, насколько “карнавальным” или “бахтинским” является ниспровержение Маркольфом авторитета, но описание теории Бахтина как **маркольфианской** было бы более верным относительно исторической реальности. Работая над исследованием, ставшим впоследствии «Рабле и его миром» в условиях жестких ограничений в сталинской России, Бахтин имел лишь ограниченный доступ к западным средневековым источникам, а слегка непристойный и в высшей степени копрологический Маркольф выделяется среди сравнительно немногочисленных средневековых примеров, которые он цитирует, чтобы проиллюстрировать подрывной потенциал «материально-телесного низа». То, что сам Рабле упоминает диспут между Соломоном и Маркольфом, должно было сделать «Диалог» еще более важным для Бахтина как источник прослеживаемой раблезианской аллюзии на средневековую комическую и антиавторитарную традицию. Когда к этим примерам его расширенного влияния добавляется значительный интерес диалога самого по себе, появляются веские основания для более его широкого признания» (Bradbury 2008: 336). Здесь и далее перевод иноязычных цитат мой — Н.Б.

лагал еще А. Н. Веселовский². В отличие от восточных, западноевропейские варианты сказания содержат пространный, занимающий более трети всего текста, диалог-прение царя Соломона и явившегося к его двору мужика Маркольфа³.

Авторитетные свидетельства о знакомстве с текстом диалога Соломона и Маркольфа в немецкоязычном ареале появляются значительно раньше, чем дошедшие до нас записи сказания. Так, это прение кратко упоминается уже в толковании на Псалмы (Ps. 118,85) Санкт-Галленского монаха Ноткера Губастого (Notker Labeo, 950–1022) — руководителя монастырской школы и переводчика с латыни на алеманнский диалект древневерхнемецкого языка:

Soliche hábent mísseliche professiones. Judeorum literæ so gescribene hêizzent deuterosis an diên milia fabularum sint. ane den canonem diuinarum scripturarum. Sameliche habent heretici an iro uana loquacitate. Habent ouh soliche sæculares literæ. **Vuaz ist ioh anderes daz man marcholfum saget sih éllenon uuider prouerbiis salomonis?** An. diên allen sint uuort scôniù. âne uuârheit. (Цит. по изданию: Hattemer 1849: 435b; см. также Kemble 1848: 12–13).

Таким образом, от Ноткера мы узнаем, что в неких «складных», но «лживых» иудейских сочинениях Маркольф боролся против изречений Соломоновых. Около 1213 г. немецкий поэт Фрейданк (Freidank, Vřídanc) в своей поэме «Разумение» («Bescheidenheit») упоминает о том, что *Марольт* «извращал»

---

² «На дальнейшую литературу соломоновых апокрифов у нас сохранились одни лишь указания. На римском соборе 496 года папа Геласий относил в разряд запрещенных книг, вместе с «Физиологом» и phylacteria какую-то *Contradictio* (или *Interdictio*) *Solomonis* — вероятно, наш апокриф, перевести ли *contradictio* — прением (в мудрости) или в смысле состязания, борьбы. Содержание этой статьи нам неизвестно. В X–XI вв. мы снова встречаемся с указанием на такой же отреченный текст: Ноткер говорит о нем, как об успевшем перейти в народную литературу; антагонистом Соломона является Маркольф, остающийся с этим именем и в позднейших западных повестях о Соломоне» (Wesselowsky 1872: 136–137).

³ В настоящей статье я ограничиваюсь рассмотрением только западной традиции Сказания о Соломоне и Маркольфе. Многочисленные текстологические исследования различных версии этого памятника в восточной традиции, включая древнерусскую, существенно модифицирующие ряд выводов А. Н. Веселовского, должны остаться за пределами рассмотрения.

премудрость, которой учил Соломон: *Salmon wîsheit lêrte, / Marolt daz verkêrte; / den site hânt noch hiute / leider gnuoge liute.* (Bezzenberger 1872: 81, 3–6). В эпоху Ренессанса упоминание о споре Соломона и Маркольфа встречается у Франсуа Рабле и Иоганна Фишарта.

В германских землях Сказание о Соломоне и Маркольфе/Морольфе сохранилось в различных вариантах:

1) “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*” — латинский прозаический шванковский цикл XII–XIII в.; старейший из сохранившихся списков датируется лишь 1410 г.; место создания памятника в точности неизвестно⁴;

2) “*Salomon und Markolf*” — первое средневерхненемецкое стихотворное переложение «Диалога С. и М.»; его жанр в немецкоязычной исследовательской традиции определяется как *Spruchgedicht* («стихотворное сказание», «шпруховая поэма») или *Schwankroman* («шванковский роман»); время создания — последняя четверть XIV в., западносредненемецкий диалектный ареал⁵;

3) “*Salomon und Markolf*” (ок. 1450 г.) — прозаическая переработка латинского «Диалога С. и М.», старопечатные варианты которой получили известность как «народная книга» о С. и М. (подробнее см.: Curschmann 1992c);

4) “*Salomon und Markolf*” — стихотворное переложение латинского «Диалога С. и М.», выполненное Грегором Хайдемом (Gregor Hayden) на баварском диалекте во 2-й пол. XV в. (подробнее см.: Curschmann 1978);

5) “*Salman und Morolf*” — средневерхненемецкий шпильманский эпос 2-й пол. XII в. (прирейнские земли), имеющий независимое от латинского «Диалога» происхождение и содержание (подробнее см.: Curschmann 1992d);

6) поздние переложения в жанре масленичных игр («фастнахтшпильей») XVI в. (Ганс Фольц, Ганс Сакс, Захария Блетц) (см.: Catholy 1961).

В средневерхненемецком стихотворном сказании (текст № 2 из приведенного списка) прение Соломона и Маркольфа (ст. 119–608) насчитывает 106 пар стихов и, по сравнению с

⁴ Основополагающее критическое издание: Venary 1914; новое издание, в основном, следующее за В. Бенари, с подробным реальным комментарием: Ziolkowski 2008. См. подробнее: Curschmann 1992a.

⁵ Критическое издание: Hartmann 1934. См. подробнее: Curschmann 1992b. Этот текст находится в центре нашего рассмотрения.

пространной латинской версией (140 пар стихов, количественно составляющие почти половину “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*”), представляет собой около четверти шванковского романа (см.: Griese 1999: 154). Немецкий текст характеризует относительно свободная обработка латинской основы, хотя, в целом, немецкий редактор остается близок к латинскому тексту (при этом степень последовательности и свободы обращения с исходным материалом варьируется в разных списках памятника). Некоторые изречения меняют свои места в тексте, объединяются в новые комбинации. С. Гризе отмечает 43 примера использования исходных парных реплик Соломона и Маркольфа, а на этом фоне — по меньшей мере, 25 случаев замены реплики Маркольфа при сохранении исходных реплик Соломона. Ряд сентенций и афоризмов почерпнуты из уже упоминавшейся поэмы Фрейданка «Разумение», остальные могут принадлежать и самому редактору⁶. В целом, Гризе видит в стратегии немецкого редактора стремление усилить живую диалогичность речи репликами, привязанными к конкретной ситуации и конкретным лицам. Так, Соломон обращается лично к Маркольфу, так что словопрение, как кажется, вместо абстрактности приобретает черты конкретности (Griese 1999: 157). Этим вклад немецкого редактора не исчерпывается: Гризе обращает внимание на целые темы, которые он впервые вводит в словопрение, — в частности, тему воровства и наказания воров на плахе. Добавляются примеры из области животного мира с использованием соответствующей метафорики, отчасти в виде пословиц и поговорок. Заметную роль играет общность стихотворной формы в сказании (*Spruchgedicht*) о Соломоне и Маркольфе (четырёхстопные строки с парными рифмами) и в поэме Фрейданка. Само «Разумение», с его многочисленными рядами тематически распределенных сентенций, пословиц и поговорок, служило источником подобного материала для многих средневековых авторов (см. подробнее: Griese 1999: 157–162).

В отличие от нарративной части в композиции латинских и немецких вариантов сказания о Соломоне и Маркольфе, где

---

⁶ Опираясь на данные Х. Суолахти (Suolahti 1946: 54-55) и комментарий М. Куршманна (Curschmann 1991: 166, прим. 28), Гризе указывает на несколько пар изречений, взятых немецким редактором из латинского текста-источника, но скомбинированных заново (Griese 1999: 156, прим. 55).

представлены диалоги между персонажами, в Прении решительно преобладает другой тип речевого взаимодействия персонажей, который был исключительно популярен в средневековой развлекательной, религиозной и назидательной литературе, — а именно, «диалог», насыщенный формами готовой речи — сентенциями, афоризмами, пословицами, цитатами из Священного Писания. В противопоставлении глубокомысленных изречений Соломона и простонародных народных пословиц Маркольфа, соотносящемся также и с внешним обликом, и с социальным статусом собеседников, В. Ленк усматривал характерный для средневековой словесности прием идеоматической антитетики (Sprichwort-Antithetik): «Библейскому царю, авторитету средневековой духовной жизни, протипоставляется крестьянин-шут, который, представляя собой тип аутсайдера средневекового миропорядка (ordo), выступал в качестве народного героя» (Lenk 1965: 153, прим. 26).

Диалог Соломона и Морольфа в латинском тексте строится, в целом, по единому принципу, а пары реплик повторяют общую схему: Соломон, который выступает в качестве инициатора диспута, или словесного состязания (altriciatio), должен задавать вопросы, а Маркольф — на них отвечать. В случае удачных ответов Маркольфа Соломон обещает щедро его наградить. Как замечает Н. М. Брэдбери, Маркольф сразу же выражает скептическое недоверие по поводу обещанной награды и тем самым не позволяет царю установить правила этой игры — и делает он это тоже при помощи пословицы: Promittit presbyter sanitatem, unde non habet potestatem («Обещает священник здоровье, которым сам распоряжаться не может») (Bradbury 2008: 347). Последующее за этим словопрение характеризуется крайней степенью текстовой открытости; обмен репликами становится «своего рода импровизационной игрой» (Ibid.), а Соломон не устанавливает строгих правил, кроме одного: на каждую его реплику должна последовать ответная реакция, основанная на собственном опыте и суждении о мире: «На самом деле Соломон не задает Маркольфу вопросов в буквальном смысле, выраженном словами «Ego te interrogabo»; вместо этого он произносит длинную серию сентенциозных утверждений, в ходе которых затрагивает большинство основных тем ветхозаветной книги Притчей Соломоновых: мудрость и глупость, брак и женская природа, добро и зло, истина и ложь, воспитание детей, важность хорошей компании, а также преимущества скромности,

умеренности, трудолюбия и принятия [социальных] иерархий. Непростая задача Маркольфа — отвечать на всю эту премудрость. Состязание при помощи пословиц — это наиболее открытая часть произведения, целиком демонстрирующая большое количество *mouvance*» (Bradbury 2008: 348).

В ходе сравнительно-исторического поэтологического и текстологического изучения вариантов сказания о Соломоне и Морольфе собственно Прение традиционно привлекало внимание исследователей, начиная с основополагающей работы Дж. М. Кембла 1848 г., охватывающей древнеанглийский, среднелатинский, старофранцузский и средневерхненемецкий материал (Kemble 1848). Текстологический и композиционный анализ латинского “*Dialogus Salomonis et Marcolfi*” был выполнен автором критического издания В. Бенари 1914 г., причем композиции сентенций было уделено особое внимание (Benary 1914: VII–XIII, XXXVIII). На этой основе Я. М. Желковски, выпустивший современное переиздание «Соломона и Маркольфа», составил подробный филологический комментарий и содержательное толкование каждой реплики Прения (Ziolkowski 2008).

В контексте медиевистической паремиологии среднелатинское Прение проанализировано в специальной статье Брэдбери (Bradbury 2008). В частности, исследовательница обращает внимание на неоднозначность пародийного начала в репликах Маркольфа и на особый стилистический эффект, возникающий в результате соседства его реплик с изречениями Соломона. Если речь Соломона основывается на изречениях библейской книги Притчей Соломоновых, то дерзкие ответы Маркольфа часто обнаруживают параллели в пословицах на народных языках (т. е. тип *proverbia Salomonis* оказывается противопоставлен типу *proverbia rusticorum*): «В отличие от библейской латыни Соломона, язык Маркольфа в состязании изречений изобилует новыми словами и значениями; он регенерирует статичный и стареющий дискурс, подобно тому, как осел удобряет урожай. В средневековых текстах осел и крестьянин часто отождествляются, и, таким образом, этот обмен предлагает символическое оправдание грубости ответов Маркольфа: они показывают ограниченность рассуждения Соломона, напоминая читателю о том, что оно исключает, в первую очередь, принятие падшего, животного тела как парадоксального дарителя жизни» (Brad-

bury 2008: 352)⁷. Особую остроту пародии Маркольфа принимают в тех случаях, когда копируется исходная синтаксическая структура Соломоновых изречений — Брэдбери насчитывает 28 подобных случаев (№ 12, 14, 15, 17, 26, 30–34, 38, 40, 46, 48, 69, 89, 95, 112, 116, 117, 125, 126, 128–32, 138) (Bradbury 2008: 347–348, а также прим. 55). Поляризация словоупотребления проявляется даже в использовании разных морфологических стратегий в репликах соперников: «Соломон говорит, используя императив и юссивный конъюнктив, о том, что люди **должны** делать. Маркольф, противник сентенций, использует изъяснительное наклонение в настоящем времени, чтобы отметить, что они реально **делают**» (Bradbury 2008: 354; ср. Röcke: 113).

В свою очередь, Желковски, характеризуя особенности латинской лексики в репликах Маркольфа, отмечает стремление анонимных составителей «Диалога Соломона и Маркольфа» отразить в лексике особенности устной речи на народном (одном из романских — вероятно, старофранцузском) языке, либо уже существующего в устном бытовании варианта Прения. В частности, он приводит следующий список примеров: «...bergarius (124b “shepherd”), bosa (2.3.7 “cow pie”), brico (2.8.11 “rogue”), carrada (34b “cart load”), cornarius (135b “cuckold”), follus (2b, 115b, epilogue 7, 2.1.1, 2.1.2 “fool”), griseum (2.13.14 “miniver”), ingeniosus (28a and elsewhere “clever”), lassare (125 “to let be”), leccator (2.7.10 and elsewhere “knave”), melius valere (2.4.34 and elsewhere “to count more, be worth more”), merda (10b and elsewhere “shit”), nutritura (2.4.34 and elsewhere “nurture”), pena (78b “effort”), pensare (2.4.6 and elsewhere “to think”), runcare (2.4.4 and elsewhere “to snore”), strontus (31b, 32b, 132b “turd”), sufflare (2.4.24 and 30 “to breathe

⁷ Сходным образом этот стилистически разрыв характеризует Желковски: «Таким образом, стилистический регистр показывает разрыв между торжественной и даже напыщенной стилистикой библейского языка Соломона и низкой и дерзкой приземленностью реплик Маркольфа. В целом, банальности Соломона можно охарактеризовать как благочестивые, тогда как реплики Маркольфа в лучшем случае попадают деревней, а в худшем — скотным двором. Маркольф — сельскохозяйственный рабочий, который переводит каждую свою мысль в термины, благоухающие сельскохозяйственными животными и телесными функциями. Говоря обобщенно, Маркольф овеществляет и одушевляет, тогда как Соломон спиритуализирует. Крестьянин говорит совсем приземленно, упоминая экскременты и метеоризм» (Ziolkowski 2008: 2–3).

deeply”), suppa (91ab “soup”), and varium (2.13.14 “squirrel fur”)» (Ziolkowski 2008).

На игровую составляющую Прения (как тип буффонного прения) обратил внимание М. Ю. Реутин, противопоставляя его, с одной стороны, псевдоученым диспутам («оно не маскируется под загадку»), а с другой стороны, — обрядовым агонам: «...Прение не магично и не онтологично, но сводится лишь к игровым впечатлениям» (Reutin 1996: 80). Речевая стратегия Маркольфа представляет собой травестию — «частный вид обычной пародии» (Ibid.), причем основу комического эффекта создает столкновение инокультурного (библейского и христианского) и изначально языческого, земледельческого культурных компонентов. Таким образом, согласно Реутину, «травестия есть не что иное, как хорошо нам знакомая процедура смыслового роста, которую проходит речевой фрагмент иной культуры, заданный в прении как новая подставная парадигма при традиционной синтагматике» (Reutin 1996: 81). Травестийная игровая процедура в репликах Маркольфа реализуется в двух ходах: 1) объект высказывания в реплике Соломона подменяется иносказанием с использованием сниженной образности (например, «благочестивая жена» соотносится с «кувшином, полным молока»); 2) исходная (тривиальная) библейская мораль преодолевается и отрицается (см.: Ibid.).

Текстовые варианты Прения в немецких переложениях латинского «Диалога Соломона и Маркольфа» были особенно подробно проанализированы в источниковедческом, содержательном, структурно-композиционном и стилистическом отношениях в работах И. Майнерс (Meiners 1967: 134–147) и С. Гризе (Griese 1999: 139–171). Особую ценность для последующих исследований имеет таблица II в работе Майнерс (Meiners 1967: 165–179), в которой приведены все соответствия между латинскими и средневерхненемецкими репликами Прения (в рифмованной версии Spruchgedicht XIV в.), а также указаны старые и новые данные об источниках латинских и немецких сентенций и пословиц. Текстологические расхождения в известных списках стихотворного сказания о Соломоне и Маркольфе приведены как в аппарате издания Хартманна (Hartmann 1934), так и в специальных текстологических исследованиях В. Шаумберга (Schaumberg 1876) и — главным образом — Х. Суолахти (Suolahti 1946). Таким образом, следует констатировать, что вся предварительная работа, служащая условием для собственно лингвистического анализа, уже

выполнена несколькими поколениями филологов. Между тем, последовательный анализ различных редакций и версий Прения с точки зрения особенностей языковой связности (когезии), которая только и может превратить перечень предложений в диалогические единства и комплексы, пока что, насколько мне известно, не проводился.

В центре нашего внимания находится текст Прения в стихотворной средневерхненемецкой версии Сказания о Соломоне и Маркольфе (текст № 2 — Spruchgedicht) на фоне латинского источника (“Dialogus...”). Исходя из того факта, что критически изданный текст, в общих чертах, отражает архетип памятника, подлежавший публичному исполнению и воспринимавшийся слушателями прежде всего в его синтагматическом развертывании, мы будем считать, что конкретный вариант текста должен был восприниматься как формально и содержательно связное и завершенное целое, а не как набор извлеченных из разных собраний разрозненных предложений. Тот факт, что, в первую очередь, составители латинского Прения, а впоследствии также немецкий редактор и компилятор памятника, могли работать с разной степенью последовательности и были не застрахованы от ошибок либо неудачных решений, никак не отменяет «презумпцию» текстовой связности — во всяком случае, в восприятии слушающей или читающей средневековой аудитории. Поэтому целесообразно говорить не о «нулевой», а о «слабой» или «сильной» текстовой связности, или когезии. Важным фактором, дополнительно скрепляющим текст, является его поэтическая форма — четырехстопный размер с попарно рифмованными строками. Наше знание о латинском или средневерхненемецком источниках изречений может лишь служить нам ориентиром для лучшего понимания смысла текста.

Рассмотрим в качестве примера диалогический комплекс (последовательность сентенциальных пар), расположенный в начале текста Прения⁸.

---

⁸ В скобках после каждого примера указывается номер страницы и строк по изданию Хартманна (Hartmann 1934). Нумерация реплик в круглых скобках отражает только последовательность рассматриваемых здесь примеров. Нумерация латинских реплик в квадратных скобках соответствует нумерации в изданиях Бенари и Желковски. Перевод средневерхненемецких примеров выполнен мною. Филологический комментарий к латинскому тексту Прения см. в издании: Ziolkowski 2008: 103–190.

- (0a) Salomon zu dem manne sprach,
da er sie beide wol besach:
„Du bist so recht von worten rich,
mich duncket gut, daz du und ich
mit worten mit ein **disputieren**.

Kanstu **min frage solvieren**,

ich wil dich riche machen

mit mancher hande sachen!“ (7, 165–172)

*Соломон сказал мужику, / Когда он как следует осмотрел их
обоих: / «Ты настолько богат словами: / мне кажется, что
было бы хорошо тебе и мне подискутировать словами друг с
другом. / Если ты сможешь разрешить мой вопрос, / то я
сделаю тебя богатым / многообразными вещами!»*

Латинская основа:

[3a] Salomon dixit, “Audiui te esse verbosum et callidum, quamvis sis rusticus et turpis. Quamobrem habeamus inter nos **altricationem. Ego te interrogabo, tu vero subsequens responde mihi.**”

[4a] Salomon: “Si per omnia poteris **respondere sermonibus meis**, ditabo te magnis opibus et nominatissimus eris in regno meo.”

В своей начальной реплике Соломон задает правила игры, а также устанавливает характер планируемого речевого взаимодействия с крестьянином Маркольфом: латинскому глагольно-именному сочетанию altricationem habeamus соответствует свн. глагол disputieren. Соломон собирается задавать вопросы (значение действия в латинской фразе Ego te interrogabo в данном случае входит в объем значения глагола disputieren в немецком тексте), на которые Маркольф должен отвечать (respondere sermonibus meis — min frage solvieren).

- (0b) Mar. Iz gelobet mancher gesundekeit,
daz an siner gewelde nit ensteit.

Der ubel singet, der singe an!

Also du tu und kom dar van! (7, 174 — 8, 176)

Маркольф: Кое-кто обещает здоровье, / что не находится в его власти. / Тот, кто скверно поет, тот пусть запекает! / Сделай же так и ты, и начни!

Латинский источник:

[3b] Marcolfus respondit: „Qui male cantat, primus incipit.”

[4b] Marcolfus respondit: “Promittit presbyter sanitatem unde non habet potestatem.”

Ср.: Gesundheit zu geben liegt oft nicht in der Macht dessen, der es verspricht (ThPMA IV, 1.5.3: 442–443).

Немецкая реплика Маркольфа объединяет две его реплики в латинском источнике. Обе сентенции имеют саркастический оттенок и демонстрируют, во-первых, презрение к риторическим способностям собеседника, а во-вторых, сомнение в его способности даровать обещанную награду. Семантическая связь с высказываниями Соломона содержится прежде всего в глаголе *santare*, который травестирует значение лексем *altriciatio* и *interrogare*. Семантика обещания, выраженная будущим временем глагола в реплике Соломона, передается глаголами *geloben* / *promittere*.

(1a) *Sal.* Ich fant daz urteil, daz **zwei wip**
kriegeten umb eins Kindes lip;

– Das ander was da bliben dot —

der muder ich daz zu geben bot. (8, 177-180)

Соломон: Я придумал приговор, когда две женщины / спорили за тело одного ребенка; / — а другой оставался мертвым — / Я предложил его (тело) отдать матери.

Латинский источник: [5a] S: “Bene iudicavi inter duas meretrices que in una domo oppresserant infantem.”

Это первая реплика Соломона в начинающемся «диспуте». Здесь царь ссылается на знаменитый эпизод своего судебного решения в споре двух женщин из-за ребенка: он считает это наиболее значимым эпизодом своей «судейской карьеры».

(1b) *Mar.* Da **vil** kuwe ist, da ist kесе **vil**.

Glicher wise ich sprechen wil,

daz **wibe** claffent uzer mazen,

wo sie gent mit ein uff der strazen. (8, 181–184)

Маркольф: Где много коров — там много сыра. / Подобным образом я хочу сказать, / что женщины болтают сверх меры, / когда идут друг с другом по улице.

Латинский источник: [5b] M: “Ubi sunt auce, ibi sunt cause; ubi mulieres, ibi parabole.”

В циничном ответе Маркольфа серьезный спор женщин расценивается как чрезмерная болтовня. При этом женщины образно соотносятся с коровами, а их спор — с получаемым от коров продуктом — сыром. Возникает синтаксически изоморф-

ная оппозиция между следующими предикациями: daz **zwei wip kriegeten** umb eins Kindes lip (1a) — **wibe claffent** uzer mazen (1b).

- (2a) Sal. Got hat mir wisheit geben
vor allen luden, die da leben. (8, 185-186)

Сол.: Бог дал мне премудрость / Предо всеми людьми, что живут сейчас.

Латинский источник: [6a] S: “Dominus dedit scienciam in ore meo, ut nullus sit similis mei in cunctis finibus terre.” (Ср. 3. Reg. 3,12).

Соломон продолжает изрекать фразы, которые вовсе не свидетельствуют о его хвастовстве, а служат для его представления публике.

- (2b) Mar. Wer bose nachgeburen hat,
der lobe sich selber, daz ist mit rat. (8, 187-188)

Мар.: Кто имеет плохих соседей, / тот пусть хвалит самого себя — вот мой совет.

Латинский источник: [6b] M: “Qui malos vicinos habet, ipse se laudat.” (ср.: Kemble 62, Nr. 4).

Тем не менее, Маркольф обвиняет Соломона именно в хвастовстве. Его пословица имеет внешне обобщенный смысл, благодаря относительной конструкции с субъектным придаточным (*wer/der*). Она может быть воспринята как ответ на реплику Соломона только исходя из общего смыслового контекста — и в частности, на характер взаимодействия предыдущей пары реплик.

- (3a) Sal. Der schuldige dicke fluhet,
so nieman jagende nach im zuhet. (8, 189-190)

Сол. Виноватый часто бежит, / когда никто не следует за ним вдогонку.

Латинский источник: [7a] S: “Fugit impius, nemine persequente” (Ср.: Prov. 28,1 «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев»).

- (3b) Mar. Wer sich beschizet mit schalle,
der forchtet, die lude riechen iz alle. (8, 191-192)

Мар. Кто обделывается с (громким) звуком, / тот боится, что все люди будут это нюхать.

Источником ответной реплики должна была быть пословица: [7b] M: “Quando fugit capreolus, albicat eius culus.” Однако

немецкий перевод этого ответа содержится в другом месте Прения! Если допустить, что немецкий редактор не допустил здесь ошибки, а действовал сознательно, то на создание скатологической реплики Маркольфа должно было повлиять одно лишь латинское существительное *culus*. Однако семантическая связь в немецком тексте между глаголом *fliehen* (спасаться бегством) и обценным глаголом *sich beschizen* вполне очевидна.

(4a) Sal. **Ein gut wip und schone**,
die ist ires mannes krone. (8, 193-194)

Сол.: *Добрая и красивая жена — / это украшение ее мужа.*

Латинский источник [8a] S: “Mulier bona et pulchra ornamentum est viro suo.” (Ср.: Prov. 12,4 «Добродетельная жена — венец для мужа своего; а позорная — как гниль в костях его»).

Смысл этой реплики никак не связан с предыдущей парой. Соломон начинает произносить мудрые изречения из общего списка без обязательной смысловой последовательности. Тем не менее, здесь открывается тема, занимающая значительное место не только в Прении, но и во всем тексте Сказания, — спор о достоинствах и пороках женщин. Соломон в большинстве случаев восхваляет добродетельных женщин, а Маркольф парирует его позитивные высказывания женоненавистническими репликами.

(4b) Mar. **Ein doppen mit milch fol**
Sal man huden vor den katzen wol. (8, 195-196)

Мар.: *Миску, наполненную молоком, / следует хорошенько стеречь от кошек.*

Латинский источник: [8b] M: “Olla plena de lacte bene debet a catto custodiri.”

Здесь мы наблюдаем знаменитый пример маркольфовой травестии, в которой высокая мораль преодолевается при помощи образности, обесценивающей высокий пафос исходного изречения. При этом соотносятся между собой только логические объекты высказываний («добрая жена» — «миска с молоком»), но без предикации; синтаксический параллелизм в репликах отсутствует.

(5a) Sal. **Ein gut wip** sanffte gemut,
die ist uber alles gut. (8, 197-198)

Сол.: *Добрая жена с нежной душой, — / Она превыше всякого имущества.*

Латинский источник: [9a-1] S: “Mulier bona super omnia bona...”

Продолжение «женской» темы, начатой в предыдущей паре реплик.

(5b) Mar. Beginnet **sie** dich **schelden**,
du salt sie **loben selden**. (8, 199 — 9, 200)

Мар.: *Когда она начнет тебя ругать, / ты будешь редко ее хвалить.*

Латинский источник: реплики Соломона с таким смыслом в «Диалоге С. и М.» нет, однако существует близкая сентенция в книге Притчей Соломоновых: Prov. 25,24 «Лучше жить в углу на кровле, нежели со сварливою женою в просторном доме».

В немецком тексте Маркольф «подхватывает» подлежащее *wir* из реплики Соломона и использует в качестве «темы» в новой тема-рематической цепи. Предложение “die ist uber alles gut” характеризуется как похвала, причем в негативном контексте, — отсюда следует совет «редко ее хвалить»: *du salt sie loben selden*.

(6a) Sal. **Eime bosen wibe** mag nit glichen
mit bosheit in allen richen. (9, 201-202)

Сол. *Со злой женой ничто не может сравниться / в злобе во всех царствах.*

Латинский источник: [9a-2] “...mulier mala super omnia mala.
Mulier mala nec defuncta credatur.”

Немецкий редактор разбивает исходную реплику Соломона [9a] на два самостоятельных высказывания и размещает в разных, но соседних парах. Таким образом обеспечивается не только смысловая целостность (когерентность) двух соседних диалогических пар, однако исходный синтаксический параллелизм обоих Соломоновых предложений оказывается утрачен. Однако основная причина выделения негативного высказывания царя Соломона о женщинах в отдельную реплику становится очевидной из ответа Маркольфа.

(6b) Mar. Stirbet **sie**, so brich ir die bein
und lege uff sie einen grozen stein.
Dan noch mastu (*sic!*) sorge han,
sie sulde wider uff stan. (9, 203-206)

Мар.: Когда она умрет, то сломай ей ноги / и положи на нее большой камень. / Даже тогда ты должен беспокоиться, / как бы она снова не встала./

Латинский источник: [9b] M: “Frange illi ossa et mitte in fossam, tunc ioca securus de morte eius!”

Связность обеих реплик обеспечивается общим логическим объектом действия — злой женой, которой Маркольф предлагает переломать кости после смерти.

- (7a) Sal. Daz wise wip buwet huse wider.
Die dorichte fellet sie dar nider. (9, 207–208)

Сол. Мудрая жена воздвигает хоромы. Глупая их разрушает.

Латинский источник: [10a] S: “Sapiens mulier edificat domum suam, insipiens vero extructam destruet manibus.” (Ср. Prov. 14,1 «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками»).

- (7b) Mar. Der kauff enwart nie glich
uff erden noch in himmelreich. (9, 209–210)

Мар. Сделка никогда не была равной / ни на земле, ни на небе.

Несмотря на карнавальную непристойность ответа Маркольфа в латинском «Диалоге» немецкий редактор заменил его на маловыразительное высказывание о «сделке» — по-видимому, имеется в виду женитьба. Ср.: [10b] M: “Olla bene cocta melius durat, et qui merdam distemperat merdam bibit.”

- (8a) Sal. Ein schones wip wol gekleidet
dicke irme manne freude bereidet. (9, 211–212)
[11a] S: “Mulier timens deum ipsa laudabitur.”

Сол. Красивая жена, хорошо одетая, / часто доставляет радость своему мужу.

Реплика Соломона представляет собой простое предложение, содержащее позитивное суждение о «красивой жене». Эта фраза является идеальным объектом для травестики.

- (8b) Mar. Eine katze, die schonez fell dreit:
des belzers herze dar nach steit. (9, 213–214)

Мар. Кошка, которая носит красивую шкуру, — / сердце скорняка расположено к ней.

Латинский источник: [11b] S. “Cattus cum bona pelle ipse exoriabitur.”

В ответе Маркольфа происходит иносказательное соотношение жены с кошкой. Однако вопреки ожиданиям, редактор не использует предоставляемой источником возможности реализовать синтаксический параллелизм — вместо этого вводится анаколуп — очевидно, в качестве имитации просторечия персонажа. Более того, вместо жесткого сарказма появляется скорее легкая ирония: «красивая жена» в роли «кошки» оказывается подвержена серьезной опасности для жизни. Здесь высмеивается не столько женщина, сколько «снижается» и развенчивается любовное влечение мужчины. Именно муж соотносится с фигурой скорняка.

- (9a) Sal. Geselle, du salt mir sagen,
des ich dich in ernste fragen:
Wo findet man **ein wip stark und stede**,
die um kein gut **missedede**? (9, 215-218)

Сол. Приятель, ты должен мне поведать / то, о чем я спрашиваю всерьез: / где сыскать человеку жену сильную и постоянную, / которая не согрешит ради никакого блага?

Латинский источник: [13a] S: “Mulierem fortem quis inveniet?” (Ср.: Prov. 31,10 «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов»).

- (9b) Mar. Obe mir **ein katze** vil eide dede,
sie enwolde fru oder spede
der milch nit bekorn,
gleubete ich ir, iz wer verlorn. (9, 219 — 10, 222)

Мар. Если бы кошка дала мне много клятв, / что она рано или поздно / не соблазнится молоком, / то если бы я ей поверил, то проиграл бы.

Латинский источник: 13b M: “Quis cattum super lac fidelem reperiet?”

Реакция Маркольфа строится схеме по несколько иной, хотя и схожей с предыдущей. «Жена сильная и постоянная» так же соотносится с образом кошки. При этом Маркольф уже не спорит с Соломоном, а лишь представляет в более резком свете его основную мысль: постоянная жена не просто редко встречается на свете. Сама возможность быть постоянной ставится под сомнение: постоянство и верность так же не свойственны природе, как кошка, не любящая молоко. Интересно также соотношение доминирующих модальностей: вопросительному предложению в реплике Соломона соответствует сложноподчиненное предложение с придаточным условия и семантикой

возможности в главном предложении. Это не соответствует вопросительной интонации латинской реплики Маркольфа, которая, в отличие от немецкой, в большей степени изоморфна высказыванию Соломона.

(10a) Sal. Wiltu bi eren verbliben,

So kere din sin von schelden wiben! (10, 223-224)

Сол. Если ты хочешь сохранить честь, / то отвори ум твой от сварливых жен!

Латинский источник: [15a] S: “Subtrahe pedem tuum a muliere litigiosa!” (Ср. Prov. 21,9 «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов»; так же и 25,24).

(10b) Mar. Die fetten wip, die fistent sere;

Dine nasen von irme loche kere! (10, 225-226)

Мар. Жирные бабы — они пердят сильно; / отворачивай свой нос от их ануса!

Реплика Маркольфа содержит две исходные реплики этого же персонажа в латинском «Диалоге»:

[14b] M: “Mulier pinguis et grossa est largior in dando iussa.”

[15b] M: “Subtrahe nasum tuum a culo iussoso!”

Здесь средством связности между репликой Соломона и ответом Морольфа служит общая восклицательная интонация и императивные формы предикатных глаголов. Более того, используется один и тот же глагол *keren* с управлением «von + объект в дативе», благодаря которому оказываются напрямую соотнесены управляемые им дополнения: «сварливые жены» и их «анус» — явная синекдоха (*pars pro toto*). В качестве новой «информации» в высказывании Маркольфа выступает скатологическая характеристика сварливых жен.

(11a) Sal. Wer da bosheit sewet,

mit rechte er alle bosheit mewet. (10, 227-228)

Сол. Кто сеет зло, / тот по праву пожнет всяческое зло.

Латинский источник: [17a] “Qui seminat iniquitatem, metet mala.” (Ср.: Prov. 22,8 «Сеющий зло пожнет зло»).

Данная сентенция никак не связана по смыслу с предыдущими, если только не предположить, что Соломон обращает ее непосредственно к Маркольфу. Однако реальных оснований для такого предположения нет.

(11b) Mar. Wo ein man sewet kabe,
der enmewet nit dan gestuppe darabe. (10, 229-230)

Мар. Если некто сеет мякину, / тот не пожнет с этого ничего, кроме пыли.

Латинский источник: [17b] M: “Qui seminat paleas metet miseriam.”

Здесь Маркольф полностью копирует синтаксическую и семантическую структуру исходного высказывания — сложно-сочиненное предложение с условно-субъектным придаточным, оформляющее обобщенное высказывание, которое ориентировано на соотнесение двух предикативных ситуаций по принципу: действие и каузируемый им результат. Высказывание Маркольфа уже не содержит критики Соломонова изречения, а лишь переводит его из плана теоретической абстракции в конкретный мир сельскохозяйственного обихода.

(12a) Sal. Wer da steit, der hude sich wale,
daz er icht nider falle zu dale. (10, 231-232)

Сол. Тот, кто тут стоит, тот пусть остерегается хорошенько, / чтобы не упасть вниз в долину.

Латинский источник: [18a] S: “Qui stat videat ne cadat.” (ср.: 1 Cor. 10,12).

Эта сентенция имеет форму охранительного совета (что человеку следует сделать, чтобы не стало хуже), поэтому ее можно соотнести по смыслу с предыдущим высказыванием (11a).

(12b) Mar. Man beset zu spade daz kloz,
so der fuz gewinnet den stoz. (10, 233–234)

Мар. Человек слишком поздно замечает бугорок, / когда стопа спотыкается.

Латинский источник: [18b] M: “Qui offendit pedem respicit ad lapidem.”

Как и в предыдущем примере (11b), Маркольф переводит смысл сентенции своего собеседника в сферу бытовой конкретики — в данном случае, используя пословицу. При этом синтаксическая симметрия, присутствующая в латинском «Диалоге», в немецкой обработке утрачивается.

(13a) Bi wilen wirt der hunt geslan
umb daz der lewe hat gedan. (10, 235–236)

Сол. Иногда собаку убивают / за то, что сделал лев.

Пословица, вложенная в уста Соломона, не имеет источника в латинском «Диалоге». Не связана она по смыслу и с предшествующей репликой Соломона.

(13b) Wan dem **wibe** ein fist engeit

Iren hunt sie darumb sleit

Und spricht: „Wol hin du sist verwazen,
du hast hinden abe gelazen.“ (10, 237-140)

Мар. Когда из жены (бабы) выходит ветер, / она бьет за это свою собаку / и говорит: «Куда тебя унесло, / ты сзади обделалась». (См. сравнительный материал в: Kemble 1848: 57, n. 14).

Реплика Маркольфа прямо реагирует на паремию Соломона. При этом конструкция с безличным пассивом “wirt der hunt geslan” обыгрывается при помощи ее перевода в активный залог и добавления субъекта действия — а именно, женщины (sie / [daz wip]). Далее количественная симметрия нарушается из-за добавления двух строк с непристойной речью жены, бьющей собаку. Становится ясно, что реплика Соломона вставлена в текст только ради возможности ввести именно такой ответ Маркольфа.

В дополнение рассмотрим еще несколько примеров обмена репликами, содержащих признаки исключительно сильной когезии, возникающей благодаря сигналам непосредственной реакции собеседников на речь друг друга.

(14a) Sal. Du engesehe nie hoher berge dri,
da enweren ie grunde bi. (14, 317–318)

Сол. Ты не увидишь никогда таких трех гор, / рядом с которыми не было бы пропастей.

Латинский источник: [48a] “Inter duos montes unam vallem reperies.” (ср.: Si mons sublimis, profundior est tibi vallis, Kemble 1848: n.33).

(14b) Mar. Die rede weiz ich selber wal:

so hoher berg, so diefer dal.

Daz versuchen duchte mich unnutze:
des scheiz ich in die dieffen putze. (14, 319-322)

Мар. Эту речь я сам хорошо знаю: / чем выше гора, тем глубже дол. / Испытывать это кажется мне ненужным: / поэтому я сру в глубокую лужу.

Латинский источник: [48b] M: “Inter duo femora magna sepe latet vulva.”

Маркольф дает прямую отсылку на реплику Соломона, притворяясь, что соглашается с ним: *Die rede weiz ich selber wal*. Точкой референции становится «речь», т.е. само высказывание. Самое интересное в этом ответе — то, что содержание немецкой реплики, как представляется, менее обценно, чем латинской. Впрочем, перевод латинской реплики [49b] также присутствует в немецком тексте, но в другом месте (13, 299–300).

Следующие два примера также показывают «сильную» когезию между репликами оппонентов: ответ Маркольфа «цепляется» за то или иное семантически нагруженное слово в высказывании Соломона и «разворачивает» его в сторону нового смысла. При этом сам Соломон обращается к Маркольфу напрямую, во 2-м лице.

- (15a) Sal. Ich **fochte**, ich verliese daran,
daz ich dich nit gezuchten kan. (19, 427-428)

Сол. Я боялся, что проиграю от того, / Что не могу тебя воспитать.

- (15b) Mar. **Fochtestu dich beschizen** doch,
so stecke ein wusche in din loch! (19, 429-430)

Мар. Если ты всё же боишься обосраться, то вставь пучок волос себе в анус.

Маркольф придирается сразу к двум глаголам в реплике Соломона: *fochten* («бояться»: его он и повторяет) и *gezuchten* («воспитать»): последний глагол он в своем ответе заменяет на обценный глагол *sich beschizen*.

- (16a) Sal. Senffte wort brechent **zorn**,
daz fruntschaff seldom wirt verlorn. (19, 431-432).

Сол. Мягкие слова усмиряют гнев, / так что дружба редко утрачивается.

Латинский источник: [107a] S: “Sermo mollis frangit iram, sermo durus suscitatur furorem.” (Ср. Prov. 15,1 «Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость»).

- (16b) Mar. **Zorn** machet grae hare.
Der ars forzet, daz ist ware. (19, 433 — 20, 434)

Мар. Гнев делает волосы седыми. / Задница пердит — это правда.

Латинский источник: [107b] M: “Irasci cui non potes, **nec finge te quasi noceas!**” Вторая часть латинского предложения в

немецкой переработке устраняется, а вместо нее вводится никак не связанное с ней по смыслу предложение скатологического характера.

Прение завершается тем, что Соломон — очевидно, устав от изворотливости и многословия Маркольфа, — прекращает состязание и объявляет, что не хочет с ним «болтать» (klaffen — вместо глагола disputieren, который он употребляет до «игры»). Тем самым, он проигрывает спор:

- (17) Sal. Ich enkan dir nit gesan,
daz du din unhubscheit wollest lan.
Des enwill nit mit dir klaffen;
ich bevele dich den affen. (27, 601–604)

Сол. Я не могу тебе повелеть, / чтобы бы ты отказался от своей некуртуазности. / Поэтому я не хочу с тобой болтать; / Я передаю тебя обезьянам.

Итак, как показывает последовательный анализ даже относительно короткой партии парных реплик Соломона и Маркольфа, диалог, составленный, в основном, из готовых предложений и пословиц, функционирует не хуже диалога «естественного», основанного на взаимном реагировании участников беседы на речевые стимулы в репликах оппонента. Этот эффект достигается во-первых, с помощью общей поэтической организации текста, а во-вторых, благодаря грамматическим и лексическим средствам, обеспечивающим формальную текстовую связность (когезию). Эта связность может быть «сильной» за счет пародийного копирования синтаксической структуры исходного высказывания царя Соломона в ответах шута при явной смысловой трансформации первоначального смысла. Она может быть также и «слабой», когда синтаксические и семантические структуры двух соседних пар реплик (диалогических микрокомплексов) не обнаруживают эксплицитной языковой соотнесенности друг с другом и даже смысловой целостности (когерентности). В этом случае целостность звеньев диалогической цепи восстанавливается в рамках общего контекста Прения.

Литература

- Bakhtin, M. 1990 (1965): *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansa*. [The work of François Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow.

- Бахтин, М. 1990 (1965): *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Москва.
- Benary, W. 1914: *Salomon et Marcolphus. Kritischer Text mit Einleitung Anmerkungen, Übersicht über die Sprüche, Namen- und Wörterverzeichnis. (Slg. mlat Texte, Bd. 8)*. Heidelberg.
- Bezenberger, H. E. 1872: *Fridankes Bescheidenheit*. Halle.
- Bradbury, N. M. 2008: *Rival Wisdom in the Latin Dialogue of Solomon and Marcolf*. In: *Speculum*. Bd. 83, 331–365.
- Catholy, E. 1961: *Das Fastnachtspiel des Spätmittelalters. Gestalt und Funktion*. Tübingen.
- Curschmann, M. 1978: *Hayden, Gregor*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 3, Spp. 563–564.
- Curschmann, M. 1992a: *Dialogus Salomonis et Marcolfi*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 80–86.
- Curschmann, M. 1992c: *Salomon und Markolf. (Volksbuch)*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 535–542.
- Curschmann, M. 1992d: *Salman und Morolf*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 515–523.
- Curschmann, M. 1991: *Marcolfus deutsch*. In: *Kleinere Erzählformen des 15. u. 16. Jhd. (Fortuna vitrea. Bd. 8)*. Hrsg. v. Walter Haug und Burghart Wachinger. Tübingen, 151–239.
- Curschmann, M. 1992b: *Salomon und Markolf. (Spruchgedicht)*. In: *Die deutsche Literatur des Mittelalters — Verfasserlexikon*. 2. Aufl. Bd. 8, Spp. 530–535.
- Griese, S. 1999: *Salomon und Markolf — Ein literarischer Komplex im Mittelalter und in der fruhen Neuzeit: Studien zu Überlieferung und Interpretation*. Tübingen.
- Hartmann, W. 1934: *Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf*. Hrsg. von W. Hartmann Bd. 2: *Salomon und Markolf. Das Spruchgedicht*. Halle.
- Hattemer, H. 1849: *Denkmahle des Mittelalters: St. Gallen's alteutsche Sprachschätze. Bd. 2. Notker's des Teutschen Werke*. Sankt Gallen.
- Kemble, M. 1848: *The dialogue of Salomon and Saturnus, with an historical introd.* London.
- Lenk, W. 1965: *Zur Sprichwort-Antithetik im Salomon-Markolf-Dialog*. In: *Forschungen und Fortschritte*. Bd. 39 (65), 151–155.
- Meiners, I. 1967: *Schelm und Dümmling in Erzählungen des deutschen Mittelalters*. München, Beck.
- Reutin, M. 1996: *Narodnaya kul'tura Germanii. Pozdneye Srednevekov'ye i Vozrozhdeniye [German Folk Culture. Late Middle Ages and Renaissance]*. Moscow.
- Реутин, М. 1996: *Народная культура Германии. Позднее Средневековье и Возрождение*. Москва.

- Schaumberg, W. 1876: *Untersuchungen über das deutsche Spruchgedicht 'Salomon und Morolf'*. In: *PBB*. Bd. 2, 1–63.
- Suolahti, H. 1946: *Das Spruchgedicht von Salomon und Markolf*. Helsinki.
- ThPMA IV, 1996: *Thesaurus Proverbiorum Medii Aevi*. Bd. 4. Erbe — freuen. Berlin; New York.
- Wesselowsky, A. 1872: *Slavyanskije skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnye legendy o Morolfe i Merline* [*Slavic tales of Solomon and Kitovras and Western legends of Morolf and Merlin*]. St. Petersburg.
- Веселовский, А. 1872: *Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине*. Санкт-Петербург.
- Ziolkowski, J. M. 2008: *Solomon and Marcolf*. (*Harvard Studies in Medieval Latin*, 1). Cambridge, Mass.